

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.025

УДК 94(47)07."18"

ББК 63.3(2)522-414.13

С.М. САНЬКОВА,
Н.И. КРИЖАНОВСКИЙ	К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
НАСТРОЕНИЙ СРЕДИ МОРСКИХ
ОФИЦЕРОВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ
ПЕРИОД (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
И ДНЕВНИКАМ ВЫПУСКНИКОВ
КРОНШТАДТСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УЧИЛИЩА И.П. ЮВАЧЁВА
И М.О. МЕНЬШИКОВА)
S.M. SANKOVA,
N.I. KRIZHANOVSKY	ON THE QUESTION OF THE PREREQUISITES
FOR THE EMERGENCE
OF REVOLUTIONARY SENTIMENTS
AMONG NAVAL OFFICERS
IN THE POST-REFORM PERIOD
(ACCORDING TO THE MEMOIRS
AND DIARIES OF THE GRADUATES
OF THE KRONSTADT TECHNICAL SCHOOL
I.P. YUVACHOV AND M.O. MENSHIKOV)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-012-00153 «Летопись жизни и творчества М.О. Меньшикова»

Предметом нашего исследования стали личные мотивы вступления на путь революционной деятельности офицеров русской армии и флота пореформенного периода XIX в. как наименее исследованная часть отечественной политической истории, чем и определяется новизна данной работы. Ее целью является выявление взаимообусловленности изменений в системе военно-морского образования в пореформенный период и появления широкого круга морских офицеров, готовых встать на сторону борцов с существующим государственным режимом через социальную рефлексию непосредственных участников анализируемых событий. Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлен сравнительный анализ дневников М.О. Меньшикова и мемуаров И.П. Ювачева в контексте истории возникновения Военной организации «Народной воли». В качестве основных методов исследования использовались сравнительно-исторический, биографический и герменевтический анализ. Источником исследования служили опубликованные воспоминания и документы народовольцев, а также их современников. Проведенное исследование позволило сделать выводы о появлении одновременно нового типа революционных организаций и нового типа морских офицеров, желавших объединить свои усилия для борьбы за будущее переустройство государства на более справедливых началах. Значительную роль в формировании революционных настроений морских офицеров играл период обучения в военных заведениях, где им впервые при-

ходилось сталкиваться с ситуациями проявления несправедливости, и где они впервые могли читать и обсуждать революционную агитационную литературу на фоне отсутствия действенной идеологической работы со стороны руководства и преподавателей таких учебных заведений.

Personal motives for entering the path of revolutionary activity of officers of the Russian army and Navy of the post-reform period of the XIX century are the least studied part of the national political history. They became the subject of our research. This determines the novelty of this work. The aim of the work is to identify by analyzing the social reflection of the direct participants of the analyzed events, the interdependence of changes in the system of naval education in the post-reform period and the emergence of a wide range of naval officers who are ready to side with the fighters against the existing state regime. The novelty of the study also lies in the fact that it presents for the first time a comparative analysis of the diaries of M.O. Menshikov and the memoirs of I.P. Yuvachov in the context of the history of the emergence of the Military Organization «Narodnaya Volya». The main research methods were comparative historical, biographical and hermeneutic analysis. The source of the research was the published memoirs and documents of the People's Volunteers and their contemporaries. The conducted research allowed us to draw conclusions about the emergence of a new type of revolutionary organizations and a new type of naval officers at the same time. Both wanted to unite their efforts to fight for the future reconstruction of the state on a more equitable basis. A significant role in the formation of revolutionary sentiments of naval officers was played by the period of training in military institutions. There they had to face situations of injustice for the first time, and where they could read and discuss revolutionary propaganda literature for the first time. The situation was aggravated by the lack of effective ideological work on the part of the management and teachers of such educational institutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Военная организация «Народной воли», М.О. Меншиков, И.П. Ювачев, Кронштадт, Техническое училище Морского ведомства, революционное движение.

KEY WORDS: Military organization «Narodnaya Volya», M.O. Menshikov, I.P. Yuvachev, Kronstadt, Technical School of the Naval Department, revolutionary movement.

ВВЕДЕНИЕ. На протяжении постсоветского периода истории нашего государства отечественная идеология, а за ней и историческая наука последовательно пересматривала отношение, сформировавшееся в СССР к различным политическим силам и движениям царской России. Первыми таким переоценкам подверглись либерально ориентированные исторические деятели, к которым на волне вдохновения от современных российских либеральных преобразований обращались как к учителям, чьи идеи были проигнорированы обществом, за что и наступила тяжелая расплата в виде революций и последующего советского строя.

По мере разочарования в либеральных реформах, поставивших под вопрос само существование нашего государства, в обществе стал просыпаться интерес к консервативным отечественным идеям и их носителям. Труды консерваторов стали объектом изучения: многие исследователи в них искали ответы на вопросы, как сохранить государство и в каком направлении двигаться. Историческая справедливость требует признать, что наиболее успешными в деле воплощения своих замыслов в жизнь в конце XIX — начале XX века были не либеральные и консервативные, а лево-радикальные революционные силы. И, возможно, настала пора более активного обращения именно к опыту радикализма прошлого, чтобы, как минимум, понять, как можно противостоять радикализму современному.

Данное исследование исходит из необходимости диалектического подхода к изучению истории, проявляющегося, в том числе, и в соотношении субъективного и объективного.

Признавая объективные предпосылки возникновения любых исторических явлений, в частности, исследуемых нами революционных течений, мы полагаем необходимым не упускать из поля зрения и субъективных причин, приводивших отдельные личности в эти течения. Направление исследования личных историй на настоящий момент активно развивается, но стоит отметить, что оно концентрируется преимущественно на биографических и событийных данных. Мы же думаем, что для восстановления диалектической полноты исторической картины немаловажное значение имеет социальная рефлексия исследуемых персоналий, играющая первостепенную роль для воссоздания субъективной составляющей исторической действительности. Именно такой подход поможет выявить мотивы, приводящие людей в лагерь борцов с существующим государственным строем. Этим и определяется актуальность данной работы.

Не имея возможности в отдельной статье рассматривать все этапы революционного движения в России, мы рассмотрим этот вопрос на примере «Народной воли». При этом предмет нашего исследования мы сузили до представителей офицеров флота в данной организации, так как, по нашему мнению, именно их мотивы в большей степени носят не столько субъективный, сколько объективный характер, связанный с изменениями в системе военного образования в пореформенный период.

Тема деятельности представителей «Народной воли» привлекала и продолжает привлекать к себе внимание историков, однако, как убедительно показал в своем историко-биографическом исследовании О.А. Милевский, самым сложным оказывается преодоление политической конъюнктуры конкретно-исторического момента, в котором работают историки, для достижения более объективных оценок данного явления [9]. Непосредственно Военная организация «Народной воли» не может еще похвастать столь пристальным вниманием современных исследователей. Исключением стал ряд исследований Л.Н. Годуновой [2, 3]. Однако, детально рассматривая саму деятельность этой организации, она не ставила своей задачей анализ мотивов, приведших в неё офицеров разных родов войск. Применительно к нашей теме особый интерес представляет работа Э.А. Крыловой [6], базирующаяся в основном на воспоминаниях Э.А. Серебрякова — одного из организаторов морского кружка в Кронштадте, ставшего основой будущей Военной организации народовольцев. Нам представляется данная тема весьма знаковой и перспективной для дальнейшего углубления в исследование как эволюции общественных настроений в офицерской среде, так и революционного движения в целом в условиях капитализации страны.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлен сравнительный анализ дневников М.О. Меньшикова и мемуаров И.П. Ювачева в контексте истории возникновения Военной организации «Народной воли».

ЦЕЛЬЮ данной работы является выявление взаимообусловленности изменений в системе военно-морского образования в пореформенный период и появления широкого круга морских офицеров, готовых встать на сторону борцов с существующим государственным режимом через социальную рефлексию непосредственных участников анализируемых событий.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ. В качестве основных методов исследования использовались сравнительно-исторический, биографический и герменевтический анализ. Направление исследования личных историй на настоящий момент активно развивается, однако оно концентрируется преимущественно на биографических и событийных данных. Мы же полагаем, что для восстановления диалектической полноты исторической картины немаловажное значение имеет социальная рефлексия исследуемых персоналий, играющая первостепенную роль для воссоздания субъективной составляющей исторической действительности. Источником исследования служили как опубликованные воспоминания и документы народовольцев, так и их современников. Основной упор делался на анализ записных кни-

жек М.О. Меньшикова, носивших преимущественно характер дневника, и воспоминаний И.П. Ювачева, опубликованных им уже в советское время. При этом нами учитывались обстоятельства публикации мемуаров И.П. Ювачева, поэтому они и рассматривались в сопоставлении с записями его однокурсника, бывшего также очевидцем описываемых Ювачевым событий. Выбор этих двух источников во многом был определен возможностью сравнить два разных описания одного и того же периода обучения в Морском кронштадтском техническом училище.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Один из членов Военной организации партии «Народной воли» подполковник М.Ю. Ашенбреннер, рассуждая о роли армии в государстве, отмечал, что при неизбежном столкновении различных партий внутри страны вооруженные силы традиционно принято рассматривать как нейтральные. Но по его собственному мнению, заявления о беспартийности военных не более чем чистое лицемерие, так как армия, будучи неотъемлемой частью общества, при внутренней общественной конфронтации никак не может оставаться нейтральной. Замечание Ашенбреннера не только помогает проследить трансформацию настроений в армии, но и выводит нас на проблему взаимосвязи этой трансформации с изменением социального состава офицерства. Так, если в начале XIX в. русское офицерство играло ведущую роль в попытке изменения политического строя в стране, не обременяя себя поиском союзников, то уже в 40–60 гг. народники, ожидавшие стихийного крестьянского восстания, не видели места военных в своей борьбе. Офицер, решивший связать свою судьбу с движением народников, расставался со службой.

Партия «Народная воля» исходила из необходимости демократического политического переворота как пролога к социальному перевороту, без чего считала немыслимым проведение в жизнь социалистических идей [10, с. 176]. Поэтому даже в программных документах партии отмечалось огромное значение армии при предстоящем политическом перевороте [10, с. 196]. В них отмечалось, что в союзе с армией можно сместить правительство даже без поддержки народа, в то время как преданная правительству армия способна подавить любое народное выступление [10, с. 11].

Однако широкая агитация среди практически безграмотной солдатской массы была затруднена настолько, что не оставляла небольшой партии надежды на успех. Поэтому особое внимание народолюбцев было обращено к офицерам, людям высокообразованным, свободным в общении и, следовательно, более доступным для революционной агитации, а в силу занимаемых должностей, способным управлять солдатской массой в решающий момент восстания. И это внимание не ограничивалось только программными заявлениями. Так в 1879 г., получив сведения о возникшем в Кронштадте так называемом морском кружке, состоящем из морских офицеров и офицеров гарнизона, на встречу с ними отправились члены исполнительного комитета партии А.И. Желябов и И.И. Колодкевич. В результате встречи уже через год возник Центральный военный кружок, фактически выполняющий роль Военного Революционного центра, имеющего свой детально разработанный устав и подчинявшийся Исполнительному комитету партии [10, с. 176]. Члены Военной организации должны были соблюдать конспирацию, потому что их участие предполагалось только в решающий момент захвата власти. Желая участвовать в террористических актах должны были выйти из Военной организации.

Если заинтересованность народолюбцев в приобщении армейских и флотских офицеров к созданию подконтрольной «Народной воле» военной организации понятна и была продиктована планами насильственной смены власти, то мотивы, побудившие офицеров сделать свой выбор в пользу этой организации, были не столь просты и однозначны. Тем более, что народолюбцы, по свидетельству упоминавшегося нами Ашенбреннера, «не скрывали всей трудности предстоящего дела, не соблазнили надеждой на быстрый успех» [1, с. 70]. Однако эти мотивы были достаточно значимы, если они заставляли разных людей риско-

вать не просто занимаемым положением, но и потерей свободы и даже жизни, как показал «процесс четырнадцати» в 1884 г.

Мотивы, приводившие офицеров в революцию, часто были недостаточно осознанны и ими самими, что хорошо показано в позднейших воспоминаниях офицеров-народовольцев. В большинстве мемуаров таким решающим толчком, по их мнению, становился случайный эпизод, спонтанно изменивший их жизнь, а не осознанное решение. Анализируя мемуарную литературу народовольцев, в частности воспоминания М. Дрея «Мстители или мечтатели», Исаков [4, с. 50] выделял «кающихся дворян» — людей, которые рассматривали свою деятельность как своего рода исполнение исторического долга перед простым народом для успокоения «больной совести» — и «протестующих разночинцев», рассматривавших свою борьбу как месть за унижительное социальное положение. Но подавляющее большинство, по мнению Дрея, составляли «не мстители, а мечтатели», которыми двигал молодой задор, мечты о счастье и справедливости для всех и жажда подвига. Однако мы полагаем, что только одним юношеским максимализмом, вступавшим в конфликт с реальной действительностью, нельзя объяснить массовое участие офицеров в революционном движении конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. Описанные выше мотивы вкпе с переживаниями несовершенства государственной системы, не способной обеспечить всеобщее счастье и справедливость, свойственны молодежи любого времени, но Военная организация «Народной воли» и по степени вовлеченности офицеров различных родов войск, и по географическому охвату своих отделений в стране, и по степени организованности была уникальным явлением, не имевшим предшественников в прошлом и последователей позднее.

Уже упоминавшийся нами народоволец Э.А. Серебряков, вспоминая офицеров, составивших основу морского кружка в Кронштадте, отдельно отмечал «двух штурманских офицеров Карбановича и Прокофьева» [10, с. 185], как бы отделяя их от остальных офицеров флота. Однако народоволец В.И. Чуйко (участник «процесса четырнадцати»), вспоминая о пребывании в Петропавловской крепости, писал, что соседнюю камеру занимал «моряк Прокофьев» [11, с. 189]. Также сейчас непривычно читать, что по обвинительному акту предавались суду лейтенант флота барон А.П. Штромберг и мичман флота морских штурманов И.П. Ювачев. Между тем реалии того времени действительно разделяли флотских офицеров на две категории, и эта разница была не только и не столько в полученных специальностях.

Традиционно офицер флота ассоциировался с умением управлять парусным кораблем, и, несмотря на трудности флотской службы, в морской корпус, имевший статус высшего учебного заведения, принимались дети с высоким социальным статусом родителей. В условиях преобладания именно парусного флота училища, готовившие не менее необходимые флоту военные специальности штурманов, механиков, артиллеристов и кораблестроителей, не пользовались особым вниманием Морского ведомства, и, следовательно, статус их был гораздо ниже. Кроме того, путаницу вносили и чисто бюрократические моменты, к примеру, Штурманское училище, хотя и готовило офицеров флота, подчинялось Географическому департаменту. Офицер, окончивший морской корпус, чувствовал себя более уверенно на корабле, свысока поглядывая на коллег с техническим образованием. Поэтому директор Штурманского училища А.И. Зеленой сетовал, что, несмотря на прекрасную подготовку, выпускники училища редко выслуживались дальше чина 8 класса, так как не имели связей в высших кругах, способных сделать им соответствующую протекцию [5, с. 84].

Положение изменилось после Крымской компании, когда сугубо технические проблемы, связанные с перевооружением флота и подготовкой новых специалистов, совпали с эпохой социальных реформ. Процесс реформации флота наиболее полно и детально изложен в монографии А.П. Шевырева [16]. Реформы образовательной системы на флоте позволили значительно усложнить экзамены для поступающих, затруднив поступление для неподготовленных, и расширить возможности для поступления представителям других сословий.

Однако, несмотря на старания реформаторов, сохранялся довольно высокий дворянский ценз для поступающих. Поступление в реформированное Морское училище (с 1867 г.) разрешалось детям потомственных дворян, штаб- и обер-офицеров, гражданских чиновников соответствующих классов и детям почетных граждан.

Образовательная реформа коснулась и подготовки технических специалистов флота. А в 1872 г. путем слияния Кронштадтского Штурманско-артиллерийского училища и Инженерного училища было образовано Техническое училище Морского ведомства. Так как оно имело статус среднего учебного заведения, доступ в него был открыт всем сословиям, и единственным испытанием к поступлению был экзамен, требовавший от желавшего получить образование очень серьезной подготовки. Это во многом отличало курсантов Технического училища от курсантов Морского, так как первые рассматривали будущую службу в первую очередь как выпавшую возможность подняться по социальной лестнице.

Показательно, если мы вернемся к «процессу четырнадцати», что среди осужденных мы видим двух морских офицеров: лейтенанта А.П. Штромберга и мичмана И.П. Ювачева. Барон Штронберг вошел в Военную организацию из «кающихся дворян»: будучи офицером флота, он столкнулся с неприглядной жизнью страны вдали от столицы. Серебряков вспоминал: «...возвратился из сибирской флотилии мой старый товарищ Александр Павлович барон Штронберг. Прекрасный и милый товарищ, общий наш любимец, но всегда стоявший далеко от политики, благодаря своему воспитанию и баронским традициям (он был из Прибалтийского края). И вот, к удивлению, наш барон, как мы его шутили называли, оказался не таким, каким уехал. Он уехал на Дальний Восток — бароном, возвратился — чистым народником и почти революционером». Впрочем, и сам Серебряков, сын действительного статского советника, имевший влиятельную родню, встал на революционный путь ещё будучи курсантом Морского училища «совершенно неожиданно для самого себя» [13, с. 169], получив от товарища по роте вместо Майн Рида книгу Лассаля. Это книжное влияние отметил позднее и знавший Серебрякова в эмиграции Л. Тихомиров: «Это был настоящий морской офицер. Нигилистического в нем, в сущности, ничего не было, кроме общего "передового" мирозерцания, которое, однако, не успело еще разрушить в нем даже понятия о святости присяги» [14, с. 570].

Учащиеся Технического училища Морского ведомства в подавляющем большинстве не принадлежали к привилегированному сословию. Жизнь простого народа была им хорошо известна с детства. Казалось бы, возникшая возможность выйти из социальных низов должна была удерживать именно эту категорию воспитанников от желания приобщиться к революционной деятельности с риском потерять добытую с таким упорством перспективу подняться по социальной лестнице. Осужденный вместе с А.П. Штромбергом, И.П. Ювачев был на шесть лет моложе Серебрякова. Выросший в многодетной семье полотера в Аничковом дворце, по окончании уездного епархиального училища Ювачев собирался устроиться лесничим, но родные уговорили его поступить в недавно образовавшееся Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте с перспективой стать офицером флота. Ювачев выбрал поступление на штурманское отделение, и не только успешно сдал вступительные экзамены, требовавшие хорошего знания математики, но и проявил себя как один из лучших учеников.

Несмотря на то, что Техническое училище имело статус среднего учебного заведения, уровень обучения, особенно в точных науках, в нем был очень высок, не уступая Морскому училищу. Перед тем как возглавить Техническое училище, его начальник А.И. Зеленой долгое время преподавал математику в Морском корпусе. В своих новых воспитанниках он видел будущих технических профессионалов, и точные науки были в безусловном приоритете в ущерб гуманитарным. Будучи книголюбом, но опасаясь, что современная литература отвлекает воспитанников от учебы, он не выписывал в библиотеку училища

ни новых журналов, ни газет. Доходило до того, что в разгар Русско-Турецкой войны будущие военные моряки по крупицам узнавали сведения о военных действиях. Однокурсник Ювачева Михаил Меньшиков сам вычерчивал карту боевых действий, чтобы иметь наглядную картину происходящего.

Такое жесткое лишение воспитанников информации имело обратный результат. Если доступ к легальным печатным источникам был затруднен, ему на смену приходила литература нелегальная. В своих воспоминаниях Ювачев приводил пример воспитанника Дубровина, застигнутого капитаном Замбрицким за чтением запрещенной литературы. Дубровин был заметной фигурой в училище, благодаря высокому росту и спортивному телосложению, и его образ никак не вязался с запрещенными книгами. Виновный немедленно был доставлен к начальнику училища генералу А.И. Зеленому, которого воспитанники «знали как чрезвычайно доброго и доверчивого человека» [17, с. 72]. Не желая огласки, начальник училища не дал делу хода, однако наказание ожидало Дубровина впереди. «Ему дали окончить курс учения по механическому отделу, но в офицеры не выпустили» [17, с. 72]. (Интересно, что похожий случай произошел и с Серебряковым в Морском училище, но прошел для него и его товарищей без последствий). Благодаря хлопотам матери Дубровин был переведен из Технического училища Морского ведомства в Технический институт.

Вспоминая о нелегальной литературе в Техническом училище, Ювачев отмечал: «Охотников до чтения ее в моем классе было более десяти человек: Меньшиков, Ликандер, Яковлев, Степанов, Калинин, Щелкунов, Варгин и др.» [17, с. 72]. М.О. Меньшиков не случайно возглавил этот список. Для сына спившегося мелкого служащего из Псковской глубинки поступление в Техническое училище открывало путь к офицерским погонам и путешествиям по миру. Меньшиков не получал помощи от родных, более того, даже от своих скромных денег, положенных воспитаннику, отсылал большую часть на содержание братьев и отца. Именно Меньшиков, по признанию Ювачева, познакомил его с нелегальной литературой: «Мой однокурсник Меньшиков, давал мне небольшие брошюры: — “Сказка о четырех братьях”, “Хитрая механика” и др. Потом на смену их появились более серьезные книги и журналы. Я ходил от них как зачарованный» [17, с. 71]. Показательно, что именно эти книги вспоминают многие народовольцы, как образцы первого знакомства с нелегальной литературой. Ювачев отмечал: «Из моих товарищей особо выделялся тогда М.О. Меньшиков. Это он главным образом распространял среди воспитанников нелегальную литературу» [17, с. 73].

Насколько справедлива отведенная Меньшикову Ювачевым роль, судить трудно, так как в своих дневниковых записях Меньшиков не упоминает подобных фактов. (Впрочем, как человек осторожный, он мог либо не вести подобных записей, либо, судя по состоянию его записных тетрадей, позднее удалил их). В своих записных книжках Меньшиков, в свою очередь, не без доли иронии перечислял характерные особенности Ювачева: «Натура горячая. Учиться любит. Не гонится за баллами. В товариществе хорош. Любит восторгаться. Сильное влияние женского воспитания» [8, с. 75].

Эту юношескую горячность позднее в воспоминаниях подчеркивал и сам Ювачев: «Мы готовы были, и на Балканах защищать сербов и болгар от турок, готовы и в “народ идти”, по примеру 193-х, за процессом которых мы следили с большим вниманием более трех месяцев. Казалось, все мы искали тогда подвига, все жаждали проявить особое героismo» [17, с. 75]. Эти стремления хорошо иллюстрируют «не мстителя, а мечтателя» по упомянутому выше определению М.И. Дрея. Однако распространитель нелегальной литературы Меньшиков, несмотря на юный возраст, был более сдержанным человеком. Потерявший ещё на первом курсе мать, он чувствовал себя обязанным заботиться в меру сил об оставшихся братьях, старался быть расчетливым в деньгах и осторожным в действиях, поэтому нелегальную литературу он предложил Ювачеву только на второй год знакомства. Чтение

запрещённых книг наложилось на ряд инцидентов в жизни воспитанников, отмеченных в воспоминаниях Ювачева и дневниковых записях Меньшикова.

Так в дневниках Меньшикова мы встречаем примечательную историю. Один из воспитанников третьего штурманского класса Михайловский получил несколько замечаний от дежурного офицера В.З. Кажуриного, и был выдворен им из класса. В качестве наказания он был поставлен у дверей до прихода начальника училища. Курсанты же посчитали, что такая мера наказания, несмотря на всю её безболезненность для Михайловского, не предусмотрена правилами училища, а, следовательно, несправедлива и унижает его достоинство. После возвращения Михайловского в класс, воспитанник Быстроумов заявил Кажуриному, что тот не смеет ставить провинившегося у дверей. Дежурный офицер поинтересовался, хочет ли Быстроумов еще что-то сказать, и получив отрицательный ответ отвел воспитанника к инспектору классов И.Н. Тыртову. Генерал-майор Тыртов, чье отношение к воспитанникам никогда не выходило из рамок служебных обязанностей, узнав обстоятельства дела, немедленно отправил Быстроумова в карцер, а Кажуринов, вернувшись в класс, пообещал, что Михайловский будет уже к вечеру отчислен из училища. Приказ об отчислении Быстроумова был готов в течение часа, и его увезли со споротыми погонами. Начальник училища Зеленой выразил воспитанникам своё недовольство, обвинив их в подстрекательстве, и заявил: «Я чрезвычайно вами недоволен всеми. Если бы у вас был смысл в голове, вы бы не допустили дурака Быстроумова сделать такую глупость!». Так как виновных в подстрекательстве найти было невозможно, все воспитанники третьего класса штурманского отделения были оставлены без отпуска. Не забыли и главного виновника происшедшего, Михайловского, который безропотно принял пусть и не регламентированное правилами училища наказание, и которому был просто сбавлен один балл за поведение. [8, с. 55] Так воспитанникам училища был продемонстрирован приоритет приказа над установленным правилом, и невозможность его безнаказанного обсуждения.

Схожий пример, произошедший во время учебного плаванья, привел в своих воспоминаниях и Ювачев. Летнее плаванье на учебном корвете «Воевода» по Балтике всегда воспринималось воспитанниками с восторгом. Оно давало возможность покинуть на время стены старого Итальянского дворца, в котором находилось Техническое училище, смену деятельности, и причастность непосредственно к своей будущей морской службе. Немаловажным фактором было и улучшенное, по сравнению с училищем, питание. Отношение командования корабля к воспитанникам отличалось некоторой снисходительностью, позволяя отдохнуть от строгой повседневной дисциплины училища. В конце учебного плаванья, старший офицер Алексано, распекая с мостика за какие-то проступки воспитанников старшей роты, пригрозил им карцером. Один из воспитанников, Денисов, тихонько усомнился стоящим рядом товарищам в правомочности старшего помощника осуществить к ним подобную угрозу. Денисов отличался могучим басом, и даже высказанное тихонько замечание не осталось без внимания стоящим в стороне лейтенантом Барановым. Баранов немедленно донес о словах воспитанника старшему помощнику, тот вызвал караул, и Денисов оказался в карцере [17, с. 71]. На Ювачева эта немедленная расправа за вполне правомерное замечание произвела сильное впечатление, что сразу подорвало доверие молодого человека к судовому начальству. Эти два случая были первыми, но далеко не единственными, с которыми столкнулись юные воспитанники.

Именно чувство несправедливости, невозможности отстаивания вполне законных прав вызывала у курсантов естественный протест. Воспитанные в духе реформ, ожидавшие изменения страны законными средствами и получившие благодаря этим реформам шанс изменить свое будущее, эти молодые люди крайне болезненно воспринимали любое, даже мелкое, потворство нарушению установленного порядка. Как ни парадоксально, будущие офицеры флота выступали не против устоявшегося порядка, а против его нарушения людьми,

по долгу службы обязанными его охранять, тормозящими, по их мнению, общественный прогресс. Сама революция воспринималась не как социальная смена классов, а как административная смена лиц на самом высоком уровне.

В этой связи показательна реакция Ювачева и Меньшикова на выстрел Веры Засулич, прозвучавший за три недели до их выпуска из Технического училища. Ювачев разыскивал фотопортрет Засулич, мечтая поместить его на стене, вместо иконы [17, с. 75]. Меньшиков был более осторожен во внешних проявлениях, но в своих записных книжках он оставил запись любопытного слуха, о якобы состоявшейся встрече Засулич с Александром II. Слушавшееся он называл «знамением времени». Засулич Меньшиков рассматривал не как террористку, а как выразителя протестных чувств общества. Выстрел, по его мнению, был оправдан лишь как громкий повод привлечь к себе внимание, открыть глаза царю на творящиеся злоупотребления. Особенно наивно звучат слова, якобы сказанные Александром II после разговора с революционеркой: в записи Меньшикова: «Боже! Воскликнул государь: вся Европа об этом знает, только я один ничего не знал». «Дай, Боже, чтобы дело Веры Засулич служило поворотом к общественному прогрессу», — завершал Меньшиков свои размышления. [8, с. 71]

Трудно судить, насколько были наивны взгляды воспитанников Технического училища Морского ведомства на революционную деятельность, но знакомство с ней началось уже в его учебных стенах. Позднее, в 1918 г. в своих дневниках Меньшиков отмечал: «От многих, вероятно, шла в нашем училище революционная зараза, которою я был захвачен одно время до страсти. Не уйди я в Средиземное море на 1 ½ года, — возможно, что свихнулся бы в революционное подполье. Или нет? Пожалуй, нет, ибо если бы да, то и после было достаточно поводов и случаев, и даже предложений» [12, с. 25]. Насколько искренен был Меньшиков в этих словах, судить трудно, учитывая, что именно он, по словам Ювачева, и был главным образом распространителем нелегальной литературы в училище. Необходимо еще вспомнить, что в 1881 г., сразу после убийства Александра II, на квартире Меньшикова прошел обыск, а сам он был арестован. Несмотря на то, что Меньшиков был отпущен за недостатком улик, сам факт его задержания, в связи с покушением, говорит об определенной репутации молодого офицера у полиции. Важно, что по его признанию училище покидали люди уже готовые к революционной борьбе или сочувствующие ей.

Одним из самых ярких примеров этого процесса стало громкое дело подпоручика Дубровина (случай с чтением нелегальной литературы которым мы описали выше), пытавшегося организовать среди сослуживцев в Старой Русе революционный кружок. При обыске Дубровин оказал вооруженное сопротивление, и 13 апреля 1879 г. военно-окружным судом был приговорен к смертной казни. На запрос судебного следователя администрация Технического училища была вынуждена признать, что несмотря на хорошую учебу и поведение, будучи воспитанником Дубровин был однажды замечен за чтением запрещенной книги, которая была у него изъята и немедленно уничтожена. «Этот юный богатырь был безжалостно повешен в Петропавловской крепости 20 апреля 1879 г.», — вспоминал Ювачев [17, с. 72].

Сам Ювачев как один из лучших выпускников по окончании училища был направлен на Черноморский флот, где ещё продолжались боевые действия с турками. Однако уже 1879 г. не слишком скрывавший свои взгляды молодой прапорщик был направлен в Николаев помощником начальника метеорологической станции, где, согласно «Обзору важнейших познаний, производившихся в Жандармских Управлениях Империи...» [1, с. 185]. был одним из главных организаторов военно-морского революционного кружка. Как замечал член «Военной организации» подполковник Ашенбреннер «На юге кружки возникли самостоятельно и не были связаны с центральной группой до конца 1881 года» [1, с. 81]. Он же отмечал, что по сравнению с другими, морской кружок на момент их встречи был просто «огромный», включавший более 30 человек. Осторожного Ашенбреннера удивлял

не только рост кружка, но и характер его работы. Вера Фигнер писала: «Ашенбреннер находил, что оживленная агитация, начинавшаяся среди них, даже переступала границы благоразумия» [15, с. 276].

Влившись в «Военную организацию», Ювачев в первую очередь обратился к бывшим однокурсникам. Так, он писал: «П.Ф. Яковлев, чрезвычайно скромный, тихий, небольшого роста кадетик, всегда выступающий на левом фланге, он первый горячо откликнулся на мой призыв вступить в военную организацию “Народной Воли”» [17, с. 74]. Однако даже несколько лет после учебы, проведенных в плаваниях, вне тесного общения однокурсников, влияли на настроения многих. Ювачев вспоминал, в частности, об одном из них: «И.И. Ильин, увлекавшийся Спенсером, подавал сперва большие надежды на принятие участия в революционном движении. Когда он плавал на границе с Турцией, я просил его письмом организовать доставку огнестрельного оружия из-за границы. Но он весь отдался морскому делу, пока не вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта» [17, с. 74]. 1 января 1883 г. состоялась встреча Ювачева, приехавшего в Петербург поступать в Академию, с Меньшиковым. Ювачев не вспоминал об этой встрече, Меньшиков же в своих дневниковых записях упоминает о чисто метафизических темах разговора. Неизвестно, поднималась ли бывшими однокурсниками тема «Военной организации», но после событий 1881 г. Меньшиков старался держаться подальше от политики. К этому времени он уже начал успешно печататься, цикл его очерков «По портам Европы» пользовался большим успехом у читателей, и Меньшиков всерьез задумывался об уходе с военной службы. В большой степени Меньшикову, как и некоторым другим однокурсникам, удалось воспользоваться предоставленным шансом и благодаря упорной учебе вырваться из бедности и забвения. Выход в море после училища стал своеобразным выходом в новый мир, и вместе с ним, они расставались с юношеским радикализмом, переставали быть «революционерами-мечтателями», по определению М.И. Дрея. В дневниковых записях Меньшикова 1883 г. мы встречаем красноречивую запись: «И данный порядок вещей для меня вовсе не так плох, чтобы я стал добиваться лучшего, рискуя потерять все... Не хочется мне драться против “существующего строя”, так как он для меня лично достаточно хорош, и по правде, уж если бы сваливать на кого свои личные несчастья, то пришлось бы сваливать их на самого себя: сам-то я похуже буду этого “строю”» [8, с. 123].

В творчестве М.О. Меньшикова можно наблюдать постепенное «поправление» позиции публициста, а с 1902–1903 годов и резкую критику революционных идей. Однако в октябре 1905 г. ярый противник революции неожиданно и совсем ненадолго становится ее идейным сторонником. Так, в статье «Привет свободе», написанной 22 октября 1905 года, то есть через пять дней после выхода царского манифеста, кратко упомянув о том, что Россия находится в состоянии «глубокой смуты», Меньшиков приветствовал «торжественные дни, первые дни свободы», прославлял наступившие перемены, называя их «величавым событием 17 октября», «радостные дни», говорил об освобождении страны от многовекового внутреннего плена [7, с. 487–488]. О противоречивости позиции публициста свидетельствует и то, что в тексте в разряд революционных героев-предшественников и подвижников наступившей свободы попадают такие трудно соединимые по идеалам «персонажи», как «пророки, апостолы, мученики», митрополит Филипп, Андрей Курбский и протопоп Аввакум, А.Н. Радищев и Н.И. Новиков, М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, а также А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Грановский, Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский. Интересно, что публицист не помещает статью в поддержку революции в октябрьской книжке «Писем к ближним», а печатает в ноябрьской.

Приятие Меньшиковым революции можно наблюдать и в статьях марта 1917 г., когда он приветствовал отречение государя от престола. Таким образом, усвоенные русским пу-

блицистом в период обучения в Кронштадтском училище вольнолюбивые идеи подспудно жили в его сознании, а в периоды наибольшего эмоционального революционного общественного подъема консервативное начало отступало на второй план, уступая место этим идеям.

ВЫВОДЫ. Офицерская среда дореформенной России была жестко сословным профессиональным сообществом. Даже случайные люди, попадавшие туда из других сословий, становились частью этого сообщества, практически теряя связь с той средой, из которой они вышли. Поэтому, когда такое офицерство, подобно декабристам, организовывало революционное движение, это было сословное движение дворян, не воспринимавших себя на уровне ощущений частью остального народа.

Либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. открыли доступ в профессиональные военные учебные заведения представителям других сословий. В то же время в армии и особенно на флоте потребовались новые специальности, больше связанные с техникой, чем с традиционной военной деятельностью. В результате появился новый тип офицера, который, осознавая себя военным профессионалом, не порывал связи с той средой, из которой он вышел. И такие офицеры в соответствии с впитанным ими духом реформ активно искали свое место в общественной жизни страны.

Создание Военной организации «Народной воли» — яркий пример того, что революционеры стали рассматривать офицерский корпус армии и флота не социальными противниками, но потенциальными союзниками в будущем переустройстве России. В свою очередь представители офицерского корпуса получили возможность почувствовать свою значимость как военных профессионалов для борьбы за будущее переустройство государства на более справедливых началах. Таким образом, перед новым офицерством уже не стоял выбор: либо революция, либо военная карьера, так как революционные организации нового типа требовали от них совмещения и того, и другого. Начало формирования вышеописанных тенденций наглядно прослеживается в период учебы в военных учебных заведениях, так как это было время формирования личности, когда особенно болезненно воспринимались ситуации несправедливого отношения к сверстникам, ощущения несовершенства общественного строя, проявлявшиеся, в частности, в неприглядных сторонах военной службы, которая зачастую идеализировалась до поступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашенбреннер М.Ю. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860–1904). / Ред. Н.С. Тютчева. М.: Общество политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1924. 200 с.
2. Годунова Л.Н. Архивные источники о военной организации партии «Народная воля» // Советские архивы. 1971. № 1. С. 77–87.
3. Годунова Л.Н. Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 120–128.
4. Исаков В.А. Народовольчество и власть: причины готовности к борьбе и модели постреволюционной власти // Вестник РУДН. Серия «История России». 2004. № 3. С. 47–56.
5. Исторический очерк Штурманского училища. 1798–1871 / Сост. А.И. Зеленым. Кронштадт: Типография «Кронштадтского вестника», 1872. 179 с.
6. Крылова Э.А. Общественно-политические взгляды воспитанников Морского училища в 1860–1870-х гг. // Ключевские чтения-2020. Народ и власть. М.: Спутник+, 2021. С. 247–250.
7. Меньшиков М.О. Привет свободе // Меньшиков М.О. Письма к близким. Год IV-ый. Ноябрь 1905. СПб.: Типография газеты «Россия», 1906. С. 487–491.
8. М.О. Меньшиков: этапы жизни и особенности творчества: монография / Н.И. Крижановский, С.М. Санькова, Е.В. Алехина [и др.]. М.: Знание-М, 2021. 420 с.
9. Милевский О.А. «Бомбисты» — разрушители или «тираноборцы»: «Народная воля» в оценках постсоветской историографии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3–1 (54). С. 141–160.

10. «Народная воля» в документах и воспоминаниях / Под ред. А. И. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 288 с.
11. Народовольцы / Сост. участниками народовольческого движения / Под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко и др. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 327 с.
12. Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Выпуск IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М.: Студия «ТРИТЭ»; «Российский Архив», 1993. 271 с.
13. Серебряков Э. А. Революционеры во флоте (очерк первый) // Былое. 1907. № 2 (14). С. 168–189.
14. Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М.: Москва, 2000. 712 с.
15. Фигнер В. Н. Запечатленный труд: Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964. Т. 1. 439 с.
16. Шевырев А. П. Русский флот после крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 183 с.
17. Ювачев И. П. Из воспоминаний старого моряка // Морской сборник. 1927. № 10. С. 71–90.

REFERENCES

1. Ashenberg M. YU. *Voennaya organizatsiya Narodnoy voli i drugie vospominaniya (1860–1904)* [Military organization of the People's Will and other memoirs (1860–1904)] / Red. N. S. Tyutcheva. M.: Obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-pereselencev, 1924. 200 s. (In Russian).
2. Godunova L. N. *Arhivnye istochniki o voennoy organizatsii partii «Narodnaya volya»* [Archival sources about the military organization of the Narodnaya Volya Party] // Sovetskie arhivy. 1971. № 1. S. 77–87. (In Russian).
3. Godunova L. N. *Voennaya organizatsiya narodovol'tsev* [Military organization of the People's Volunteers] // Voprosy istorii. 1973. № 9. S. 120–128. (In Russian).
4. Isakov V. A. *Narodovol'tchestvo i vlast': prichiny gotovnosti k bor'be i modeli postrevolyucionnoy vlasti* [Narodovolstvo and power: reasons for readiness for struggle and models of post-revolutionary power] // Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii». 2004. № 3. S. 47–56. (In Russian).
5. *Istoricheskij ocherk Shturmanskogo uchilishcha. 1798–1871* [Historical sketch of the Navigator School. 1798–1871] / Sost. A. I. Zelenym. Kronshtadt: Tipografiya «Kronshtadtskogo vestnika», 1872. 179 s. (In Russian).
6. Krylova E. A. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady vospitannikov Morskogo uchilishcha v 1860–1870-h gg.* [Socio-political views of the pupils of the Naval School in the 1860s and 1870s.] // Klyuchevskie chteniya-2020. Narod i vlast'. M.: Sputnik+. S. 247–250. (In Russian).
7. Men'shikov M. O. *Privet svobode* [Hello to freedom] // Men'shikov M. O. Pis'ma k blizhnim. God IV-yj. Noyabr' 1905. S-Pb.: Tipografiya gazety «Rossiya», 1906. S. 487–491. (In Russian).
8. M. O. Men'shikov: *etapy zhizni i osobennosti tvorchestva: monografiya* [M. O. Menshikov: stages of life and features of creativity: monograph] / N. I. Krizhanovskij, S. M. San'kova, E. V. Alekhina [i dr.]. M.: Znanie-M, 2021. 420 s. (In Russian).
9. Milevskij O. A. «Bombisty» — razrushiteli ili «tiranoborcy»: «Narodnaya volya» v ocenkah postsovet-skoj istoriografii [«Bombers» — destroyers or «tyrannoclasts»: «Narodnaya Volya» in the assessments of post-Soviet historiography] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universite-ta. 2018. № 3–1 (54). S. 141–160. (In Russian).
10. «Narodnaya volya» v dokumentah i vospominaniyah [«Narodnaya Volya» in documents and memoirs] / Pod red. A. I. YAKimovoj-Dikovskoj, M. F. Frolenko, I. I. Popova, N. I. Rakitnikova, V. V. Leonovicha-Angarskogo. M.: Vsesoyuznoe obshchestvo politicheskikh katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1930. 288 s. (In Russian).
11. *Narodovol'tsy / Sost. uchastnikami narodovol'tcheskogo dvizheniya* [Narodovoltsy / Compiled by the participants of the narodovolc movement] / Pod red. A. V. YAKimovoj-Dikovskoj, M. F. Frolenko i dr. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselencev, 1931. 327 s. (In Russian).

12. *Rossijskij arhiv (Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII-XX vv.). Vypusk IV. M.O. Men'shikov. Materialy k biografii* [The Russian Archive (The History of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII-XX centuries). Issue IV. M.O. Menshikov. Materials for the biography]. M.: Studiya «TRITE»; «Rossijskij Arhiv», 1993. 271 s. (In Russian).
13. Serebryakov E.A. *Revolucionery vo flote (ocherk pervyj)* [Revolutionaries in the Navy (first essay)] // Byloe. 1907. № 2 (14). S.168-189.
14. Tihomirov L.A. *Teni proshlogo* [Shadows of the past]. M.: Moskva, 2000. 712 s. (In Russian).
15. Figner V.N. *Zapechatlennyj trud: Vospominaniya. V 2 t. T. 1.* [Imprinted work: Memories. In 2 t.t. 1.]. M.: Mysl', 1964. T. 1. 439 s. (In Russian).
16. Shevyrev A. P. *Russkij flot posle krymskoj vojny: liberal'naya byurokratiya i morskije reform* [The Russian Navy after the Crimean War: Liberal Bureaucracy and Naval Reforms]. M.: Izd-vo MGU, 1990. 183 s. (In Russian).
17. YUvachev I. P. *Iz vospominanij starogo moryaka* [From the memoirs of an old sailor] // Morskoj sbornik. 1927. № 10. S. 71-90. (In Russian).